

Лукаш Иван Созонтович

Преображенцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Созонтович Л.**
Преображенцы / Лукаш Иван Созонтович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-93990-4

ISBN 978-5-519-93990-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ 10 час. утра назначеннымъ ротамъ уже раздавали патроны. Въ это время приходитъ взволнованный, чѣмъ-то разстроенный командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Леонтій Элліотъ и рассказываетъ, почти со слезами:

— Сегодня моя сестра ѣхала въ трамваѣ. Трамвай остановила толпа. Они звали всѣхъ идти вмѣстѣ съ ними просить хлѣба. Моя сестра пошла... Братцы, я стрѣлять не буду. Какъ мы можемъ стрѣлять въ свой народъ, да еще въ голодный народъ, который просить хлѣба?

Взводные и отдѣленные и такъ знали, что никто не будетъ стрѣлять и разнося патроны по всѣмъ 48 рядамъ Преображенцевъ, говорили:

— Братъ, братцы, берите, но всѣ до одного приносите назадъ...

Роты ушли. И только въ 2 часа ночи пришли съ улицъ въ казармы голодные и усталые. Всѣ съ облегченіемъ вздохнули, когда узнали, что Преображенцамъ стрѣлять не пришлось, что все время ихъ поддерживали въ цѣпи на Полицейскомъ мосту. Всѣ были взволнованы событіями дня, многіе не спали всю ночь на пролетъ. Всѣ будто ждали общаго сигнала, чтобы взяться за винтовки, подняться, возстать.

26-го февраля... Въ 10 часовъ утра роты уже были въ строю. Командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Элліотъ, былъ кажется еще блѣднѣе, чѣмъ вчера и мягко, какъ старый боевой товарищъ, предостерегалъ солдатъ отъ стрѣльбы по народу. Роты снова вышли на улицу. И снова стрѣлять не пришлось.

А Петроградъ уже кипѣлъ и клочкоталъ надъ нимъ, гребень того девятого вала, который поднялся и ударилъ съ такой яростной силой изъ голодныхъ рабочихъ кварталовъ.

Во вторую ночь еще большее волненіе было въ

Таврическихъ казармахъ. Солдаты говорятъ, что въ ту ночь у нихъ — «душа трепетала».

27 февраля... Нужно сказать, что у Преображенцевъ и Литовцевъ по Таврической улицѣ общій казарменный дворъ. И вотъ, въ 8 час. утра, какъ всегда, на дворъ началось строевое учение. День былъ ясный, морозный. Серебряный иней игралъ на красномъ кирпичѣ казарменныхъ зданій.

Вдругъ со стороны Волынцевъ, казармы которыхъ отдѣляются отъ двора Преображенцевъ невысокій заборъ, послышались беспорядочные выстрѣлы и глухіе раскаты «ура». Нѣсколько пуль просвистало надъ головами. Строевое учение смѣшалось. А на заборѣ стояли уже товарищи Волынцы, махали фуражками, руками и звали.

— Преображенцы, бросай занятіе! Присоединяйся къ намъ... Къ намъ!

Крикъ не дослышали, крикамъ не придали значенія. Тогда отъ Волынцевъ ударили въ воздухъ ружейные выстрѣлы. Ошеломленные, непонимающіе что происходитъ, преображенцы бросились въ казармы. Нужно было собраться съ мыслями, переговорить, выяснить.

А толпа Волынцевъ подходила уже къ воротамъ казармъ съ Парадной улицы. Поняли тогда Преображенцы.

Изъ всѣхъ оконъ махали они Волынцамъ шапками, призывали ихъ восторженнымъ «ура». Волынцы заполнили дворъ. Къ нимъ, какъ лавина, бѣжали изъ казармъ, звякая винтовками, Преображенцы. Горнисты играли воркующую тревогу. Кто-то непрерывно билъ въ полковой колоколъ Литовцевъ. Солдаты привѣтствовали другъ друга выстрѣлами въ воздухъ. Гулъ колокола, перебаты «ура», пѣнье

мѣдныхъ рожковъ и выстрѣлы,—слились въ ликую-
щій громъ.

Первой, вышедшей на зовъ Свободы ротой была 2-я рота Таврическихъ казармъ, которая вся сплошь состоитъ изъ боевыхъ солдатъ, уже отдавшихъ не мало своей крови за народъ на поляхъ сраженій.

— Мы только жали другъ другу руки—говорять объ этой минутѣ солдаты,—мы только смотрѣли восторженно другъ другу въ глаза...

Фельдфебель Вороновъ выводитъ изъ казармъ послѣднюю, немного замѣвшуюся 4 роту, и когда всѣ Преображенцы и Литовцы вышли, слышались крики:

— На улицу! На улицу...

Но большинство бросилось и захватило цейхгаузъ Литовскаго полка, разобравъ всѣ патроны. Тогда голоса стали звать за патронами въ Преображенскій цейхгаузъ по Госпитальной улицѣ.

Быстро отдѣлился отрядъ человекъ въ десять, быстро достали лошадей и первый революціонный обозъ поскакалъ на Госпитальную. До 30.000 патроновъ, 1.000 винтовокъ и 4 пулемета захватили тамъ. И все было разобрано по рукамъ и все потонуло въ морѣ войскъ.

Волны Преображенцевъ, Волынцевъ и Литовцевъ уже катились по Кирочной. По дорогѣ влились въ сѣрые казармы Саперъ. Кто-то далъ изъ оконъ нѣсколько выстрѣловъ. Войска отвѣтили. Завязалась перестрѣлка, уже вкатили во дворъ къ саперамъ пулеметы, но саперы и такъ выбѣгали съ ликующимъ, радостнымъ «ура» изъ казармъ...

Вызвали хоръ музыкантовъ-саперъ и съ нимъ вмѣстѣ вышли снова на Кирочную. Старались построиться, но гдѣ же было построить этотъ океанъ штыковъ, этотъ гулкій водопадъ войскъ.

— Идемъ къ Московцамъ, къ Московцамъ!—неслись крики.

Подъ звонъ и бряцанье бравурнаго марша быстро двигались войска. Посверкивали серебряныя поющія трубы, бряцаль и гремяль маршъ. И у всѣхъ поднялось настроеніе. Со старымъ все было кончено.

Шли, крѣпко и стройно шагая въ тактъ музыкѣ, быстро переговариваясь:

— Идемъ, братья. Теперь все равно. Или побѣдимъ, или погибнемъ. Идемъ, идемъ...

И сверкали серебряныя трубы и пѣль маршъ: «Идемъ, братья, идемъ!»

— У всѣхъ тогда пылали восторгомъ лица,—говорятъ солдаты,—и у всѣхъ сіяли, точно горячія звѣзды, глаза...

А улицы еще были пустыньны. Вѣдь всего было часовъ 9 утра. Попадались только кухарки, да блѣдныя женщины съ корзинками для провизіи. Смотрѣли, крестились.

— Господи, Боже ты мой, что за бѣда стряслась? Куда это солдатики повалили, да такой силищей...

— Къ народу, бабурки. Народушко свой защищать противъ насильниковъ—быстро объясняли имъ по пути солдаты.

У женщинъ становились серьезными лица и онѣ крестились истово и тихо.

— Дай-то вамъ Богъ, родные...

Въ концѣ Кировной лавина задержалась на секунду у дома Жандармскаго Дивизіона. Солдаты говорятъ, какъ въ одинъ мигъ «вышвырнули» они оттуда человѣкъ 20 жандармовъ, которые разомъ и потонули въ солдатскомъ потокѣ.

Стихія катила впередъ. Выплыла на Литейный и растеклась. Сняли караулы у Окружнаго Суда, обступили сѣрой стѣнной шинелей красное, низкое

зданіе Арсенала. Выстрѣлами по окнамъ и общимъ «ура» вызвали на улицу арсенальныхъ рабочихъ.

А въ это время, въ полномъ порядкѣ, съ Захарьевской улицы выходила на Литейный 3-я рота Преображенцевъ... Снова гулы восторга и перекаты «ура» и бряцанье марша. Призывъ смѣняетъ призывъ.

Растетъ ударъ революціоннаго вала.

— Выпустимъ 'политическихъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Идемъ сначала къ Москвцамъ, на Выборгскую, къ Москвцамъ!..

Двинулись къ Литейному мосту.

Литейнаго моста опасались: всѣ знали, что за нимъ засада. Онъ тянулся передъ глазами широкій и безлюдный, окутанный морознымъ паромъ. И только попробуютъ отдѣльные смѣльчаки войти на мостъ, изъ-за Невы подымается пулеметный огонь. Здѣсь были первыя жертвы. Здѣсь, подъ пышными чугунными фонарями, палъ отъ пуль Преображенскій ефрейторъ Голубевъ еще одинъ статный и, молодой Преображенецъ.

Войска задержались, войска смѣшались.

— Почему мы встали? Впередъ, товарищи... Идемте.

На мостъ, ревя рожками, вылетѣлъ автомобиль полный солдатъ. А за автомобилемъ, верхомъ на черномъ конѣ, съ побѣлѣвшей, взмыленной грудью скакалъ молодой прапорщикъ, совсѣмъ еще «юный парнишка».

— Товарищи, за мной!

Преображенцы увидѣли въ автомобилѣ своего любимца, георгіевскаго кавалера, ефрейтора Новикова. Стоитъ онъ во весь ростъ, машетъ сверкающей шашкой... Бросились на мостъ въ атаку. Море войскъ

залило мостъ, море войскъ ошетило его штыками. Сбивъ засаду, двинулись къ Московцамъ.

Казармы Московскаго полка встрѣтили выстрѣлами. Частая стрѣльба поднялась въ отвѣтъ.

Прикладами разбили казарменные ворота, толпа рабочихъ, войскъ, вооруженные пулеметами автомобили запрудили дворъ. Московцы выбѣгали одинъ за другимъ. Говорили, что ихъ товарищи заперты, что отстрѣливается одна только учебная команда, да и тамъ просто напуганы, ошеломлены и складываютъ уже винтовки.

Пять солдатъ Московцевъ повели товарищей окружать учебную команду, но въ этотъ моментъ запертые въ казармахъ Московцы нашли какой-то обходный путь и по нему выбрались къ войскамъ.

Въ 2 часа дня перешелъ весь Московскій полкъ и беспорядочный огонь кончился. Начали убирать убитыхъ и раненыхъ. Работали молча, въ тишинѣ, почти не разговаривая...

И скоро океанъ штыковъ повернулъ съ Выборгской обратно на Литейный. Когда войска были на проспектѣ, вдругъ изъ оконъ полицейскаго управленія затарахтели пулеметы. Часть солдатъ ушла дальше, часть засѣла въ трамвайномъ паркѣ и открыла по управленію ураганный огонь.

И такъ сильно было чувство побѣды и единодушіе борьбы, что всѣ, безъ всякаго сигнала, по первому крику «ура», вскорѣ поднялись въ атаку. И стихійнымъ, молніеноснымъ штурмомъ разнесли двери управленія, ворвались и въ секунду смели все...

Это было въ 3 часа дня.

Многіе отсюда растекались по всему городу, но и тогда уже, мимо пожарища Окружнаго суда, среди ликующихъ стѣнъ толпы, въ бряцаньи военныхъ

оркестровъ, тогда уже двигались къ Государственной Думѣ авангарды революціонныхъ войскъ...:

А вѣдь въ Думѣ кончилась наша стихія и начался нашъ новый порядокъ.

II.

Милліонныя Казармы

24 февраля... 1-я рота получила приказъ идти на Полицейскій мостъ, чтобы встать тамъ цѣпью и никого не пускать оттуда къ Зимнему дворцу. Ротой, по наряду, командовалъ капитанъ Скрыпицынъ. У этого человѣка холодная англійская внѣшность и желѣзная англійская выдержка. 28 мѣсяцевъ провель онъ на фронтѣ, имѣетъ золотое оружіе и получилъ уже всѣ боевыя отличія.

На мосту встали цѣпью. Капитанъ, дѣйствуя по инструкціи командира баталіона, повинуюсь своему убѣжденію и идя навстрѣчу настроенію солдатъ, приказалъ отнюдь не стрѣлять. Съ нимъ были согласны его помощники—офицеры Селецкій и Розеншильдъ, потерявшій на войнѣ руку.

Когда къ Полицейскому мосту подходили толпы народа, толпы рабочихъ, женщинъ и дѣтей, офицеры убѣждали ихъ расходиться.

— Мы разгуливали,—разсказывалъ улыбаясь Скрыпицынъ,—въ корридорѣ между цѣпью солдатъ и толпой. Разговаривали, перекидывались шутками. Всѣ были настроены добродушно. Было, я скажу, очень мило.

Всталъ уже вечеръ. Расходилась одна толпа, ее смѣняла другая и снова убѣжденія, смѣхъ и добродушные шутки. Но полицейское рвеніе пристава Левисона чуть было не испортило общаго на-

строения. Онъ выставилъ своихъ городскихъ впередъ изъ-за цѣпи, приказалъ вынуть шашки, началъ ужъ было избіеніе.

— Г. полковникъ! Моментально уберите вашихъ полицейскихъ за мою цѣпь,—крикнулъ ему капитанъ Скрыпицынъ.

— Какъ убрать? Наоборотъ, это Вы должны мнѣ помочь, Вы должны дать залпъ... Чего Вы ждете? Давайте же залпъ.

— Этотъ самый залпъ въ первую голову сразить Васъ,—спокойно оборвалъ его Скрыпицынъ и отошелъ, пожавъ плечами.

Приставъ отозвалъ городскихъ за солдатскую цѣпь, а самъ поѣхалъ въ Градоначальство жаловаться на мятежнаго офицера.

...Уже 24 февраля, когда рота вернулась съ улицъ въ казарму, капитанъ Скрыпицынъ дѣлился впечатлѣніями съ товарищами офицерами. Онъ сумѣлъ понять и изучить за день толпу. Онъ видѣлъ, что это поднялся самый густой, самый плотный народъ,—та «толща народная», какой не было въ первой нашей революціи 1905 года. А за нимъ идетъ тотъ девятый валъ, который смететъ все. Правительство, говорилъ онъ,—если еще не совсѣмъ оно ослѣпло, немедленно должно идти на уступки.

Всѣ поняли капитана и всѣ съ нимъ были согласны.

25 и 26 февраля Преображенцевъ также посылали на улицы и снова они встрѣчали толпу и снова вступали въ переговоры. Волненіе возростало. Близился часъ...

27 февраля,.. Утромъ нѣсколько ротъ, по экстренному вызову, выступили на улицы. Въ 11 часовъ утра всѣ свободные офицеры собрались въ Офицер-

скомъ собраніи. Чувствовали, что гроза надвигается. Обсуждали, что дѣлать.

Капитанъ Скрипицынъ подалъ мысль, къ которой присоединились всѣ:—нужно выйти на площадь Зимняго дворца и постараться собрать тамъ всѣ другія гвардейскія части.

И вотъ, въ 11 час. утра, 27 февраля, 1500 Преображенцевъ Милліонныхъ казармъ, во главѣ съ офицерами, перешли Зимнюю канавку и выстроились у Александровской колонны, спиной къ дворцу.

На Милліонной нѣсколько офицеровъ реквизи- ровало автомобиль какого-то биржевого маклера, его высадили и приказали шофферу съ предѣльной скоростью гнать машину къ казармамъ Измайловцевъ, Егерей и Семеновцевъ. Созывать гвардію на площадь поѣхали офицеры: Головинъ, князь Эристовъ и Квашнинъ-Самаринъ.

Одинъ только лозунгъ, одна только мысль была у Преображенцевъ и они вѣрили, что всѣ пойдутъ за ними:

— Ничѣмъ не препятствовать революціи, но внести порядокъ въ ея мятущійся потокъ, но избѣгать кровопролитія и собраться на площади, чтобы оттуда, какъ организованной силѣ, предъявить требованія народа правительству.

Къ Преображенцамъ на Дворцовую площадь стали подходить войска. Пришелъ со всѣми офицерами Пулеметный полкъ, пришли роты Егерей и Петроградцевъ. Ждали другихъ. Командиръ Гвардіи генераль Безобразовъ, старѣйшій зъ бывшихъ Преображенцевъ, обходилъ войска и здоровался съ ротами.

Капитанъ Скрипицынъ рѣшилъ въ это время съѣздить въ Градоначальство. Онъ думалъ, что можетъ быть удастся еще уговорить Хабалова или

Балка прекратить бесполезное, дикое сраженіе на улицахъ.

Поѣхалъ. Спокойно, безъ всякихъ пропусковъ поднялся на верхъ, спокойно вошелъ въ кабинетъ градоначальника. Первое, что бросилось ему въ глаза было нѣсколько жандармскихъ генераловъ съ растерянными, перепуганными лицами.

Капитанъ Скрыпичинъ подошелъ къ Хабалову а тотъ сразу крикнулъ ему:

— Послушайте, необходимо стрѣлять... Необходимо разстрѣливать всю эту чернь.

— Солдаты стрѣлять не будутъ, Ваше Превосходительство,—спокойно отвѣтилъ Скрыпичинъ.

— Не будутъ! Такъ прикажите имъ...

— Наоборотъ, мы имъ прикажемъ не стрѣлять.

— Вы измѣнникъ, вы бунтовщикъ,—затопалъ ногами Хабаловъ.—Я васъ арестую.

— Какъ будетъ угодно Вашему Превосходительству, но это общее мнѣніе и всѣ мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что изъ насъ стрѣлять не будетъ никто. Успокоить народъ можно только справедливыми уступками, а не пальбой. Это уже вамъ больше не поможетъ.

Какой-то тощій поручикъ подбѣжалъ въ это время къ Хабалову:

— Ваше Превосходительство, въ Гатчинѣ кое-когъ удалось уговорить. Оттуда готовы прилетѣть на аэропланахъ и сбросить на Петроградъ бомбы.

— Скорѣ ихъ вызвать, скорѣ ихъ вызвать,—немедленно!—крикнулъ Хабаловъ.

Тощій поручикъ бросился къ телефону, но капитанъ Скрыпичинъ схватилъ его за руку:

— Поручикъ, Вы проявляли бы лучше свою боевую ретивость на войнѣ, а не здѣсь. Я запрещаю Вамъ разыграть обманутыхъ летчиковъ.